

Н. А. Добролюбовъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевского

Съ портретомъ Н. А. Добролюбова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Волыш. Подъяч., № 89

1894

Slav 4338.4. 815

✓

Sheldon

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 октября 1894 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Г Л А В А І.

- Дѣтство Добролюбова.—Воспитаніе домашнее, въ духов-
номъ училищѣ и въ семинаріи 5

Г Л А В А ІІ.

- Поступленіе Добролюбова въ Педагогическій институтъ.—
Занятія его и отношенія къ профессорамъ и товари-
щамъ.—Потеря матери и отца и послѣдствія ея 20

Г Л А В А ІІІ.

- Слѣдующіе годы институтской жизни.—Отношенія къ на-
чальству и товарищамъ.—Начало литературной дѣя-
тельности.—Окончаніе курса 36

Г Л А В А ІV.

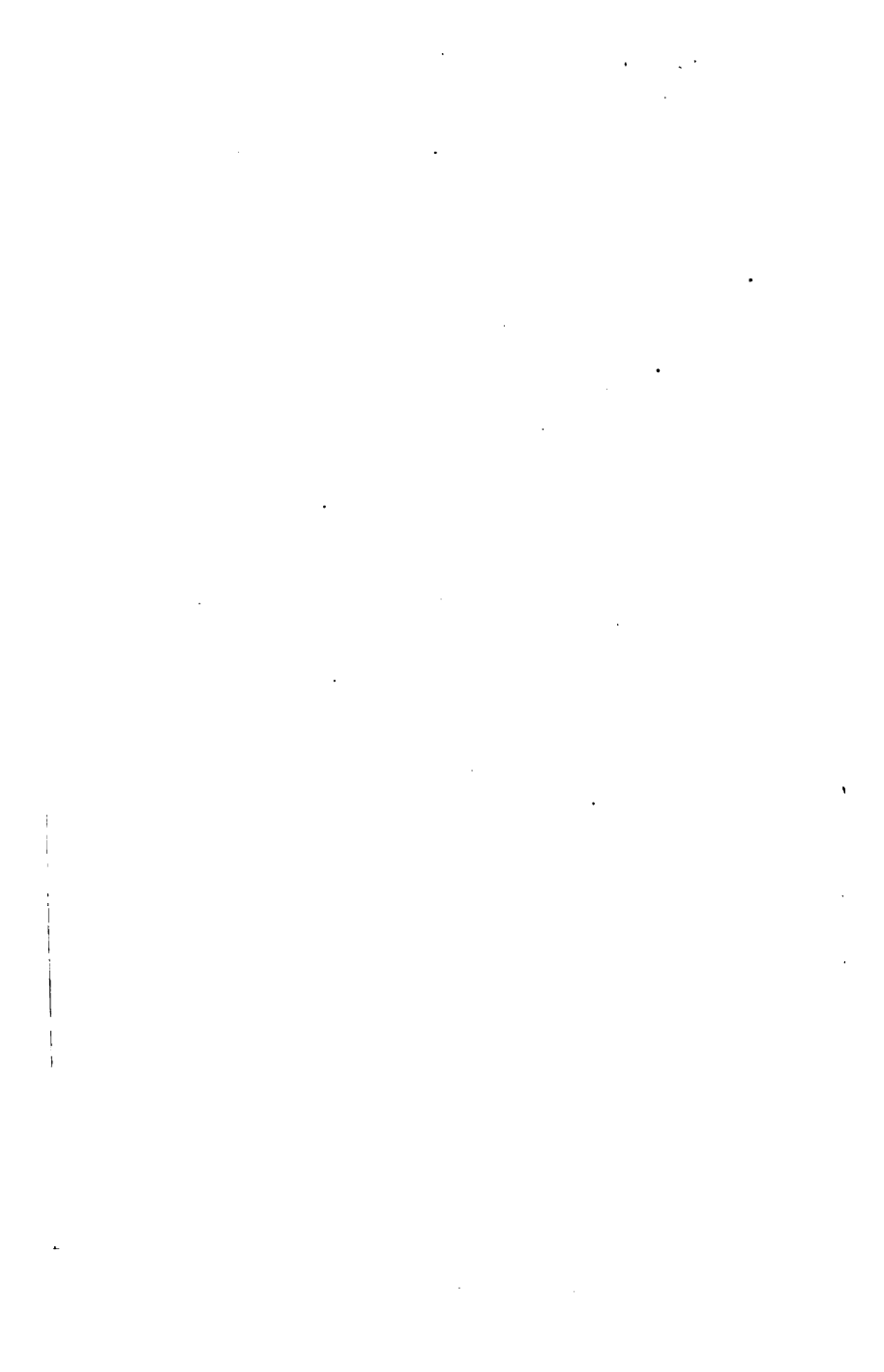
- Матеріальныя заботы и хлопоты по окончаніи курса ин-
ститута.—Вступленіе въ число членовъ редакціи «Со-
временника». — Отсутствіе самомнѣнія и скромность До-
бролюбова.—Любовныя неудачи.—Жизнь при редакціи
«Современника» (1858—1860).—Неусыпное трудолюбіе.—
Ссора Тургенева съ Добролюбовымъ и Некрасовымъ. 50

Г Л А В А V.

- Болезнь Добролюбова. — Путешествія за границей.—
Смерть 67

Г Л А В А VI.

- Характеристика литературной дѣятельности Добролюбова. 80
-

I.

Дѣтство Добролюбова.—Воспитаніе домашнее, въ духовномъ училищѣ и въ семинаріи.

Не даромъ ставятся всегда рядомъ и составляютъ какъ-бы одинъ нераздѣльный триумвиратъ три великіе русскіе критика: В. Г. Бѣлинскій, Н. А. Добролюбовъ и Д. И. Писаревъ. Это имѣетъ не одно только то основаніе, что всѣ они по силѣ талантовъ и вліянія на современниковъ стоятъ на одной высотѣ. Подобное сопоставленіе имѣетъ еще большее значеніе, если принять во вниманіе, что каждый изъ этихъ трехъ критиковъ былъ яркимъ типическимъ представителемъ своей эпохи: Бѣлинскій—сороковыхъ годовъ, Добролюбовъ—конца пятидесятихъ. Писаревъ—шестидесятихъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность ихъ какъ-бы сливается въ одну, такъ какъ едва смолкъ голосъ Бѣлинскаго, не прошло и десяти лѣтъ послѣ его смерти, какъ явился Добролюбовъ и, сообразно времени, развилъ далѣе идеи Бѣлинскаго, а затѣмъ для дальнѣйшаго развитія передалъ ихъ Писареву.

Занимая такимъ образомъ центральное мѣсто, Добролюбовъ является въ одно и то же время создателемъ Бѣлинскаго и создателемъ Писарева. Онъ стоитъ во главѣ своего времени, какъ воскреситель и хранитель всѣхъ лучшихъ завѣтовъ сороковыхъ годовъ и какъ инициаторъ всего движенія шестидесятихъ годовъ.

Стоя во главѣ своего вѣка, какъ писатель, Добролюбовъ замѣчателенъ былъ сверхъ того и тѣмъ, что и какъ человѣкъ онъ былъ героемъ своего времени, поражая своихъ современниковъ идеальной высотой своей личности, безукоризненной вѣрностью словъ и дѣлъ и нравственной чистотой, возвышавшейся своимъ строгимъ ригоризмомъ до подвижничества христіанъ нервыхъ вѣковъ.

По происхожденію своему Николай Александровичъ Добролюбовъ принадлежалъ къ духовному званію. Отецъ его, Александръ

Ивановичъ, былъ священникомъ нижегородской Никольской церкви. Семейство у него было большое, состояло изъ семи душъ дѣтей, и хотя достатковъ лишнихъ не имѣло, но и тяжелой нужды не терпѣло. Вотъ въ этой-то патриархальной семьѣ стариннаго домостроевскаго типа, съ непрекословнымъ подчиненіемъ младшихъ суровой волѣ старшихъ, первенцомъ и былъ Н. А. Добролюбовъ, родившійся 24-го января 1836 года.

Отецъ Александръ сверхъ церковной службы занятъ былъ и педагогической дѣятельностью, въ должности законоучителя въ нижегородскомъ канцелярскомъ училищѣ, давалъ частные уроки, хлопоталъ на постройкѣ своихъ домовъ,—поэтому рѣдко бывалъ дома и мало занимался дѣтьми, и послѣднія росли почти всецѣло подъ попеченіемъ своей матери, Зинаиды Васильевны,—женщины, по общимъ отзывамъ, умной и прекрасной. Этимъ обуславливалось то, что Добролюбовъ въ дѣтствѣ своемъ несравненно болѣе привязанъ былъ къ матери, чѣмъ къ отцу. Отецъ по своему любилъ сына. Замѣчая его необыкновенную даровитость, раннее и быстрое развитіе способностей, старикъ не скрывалъ отъ сына своихъ восторговъ, любилъ иногда похвастаться имъ и передъ чужими, приходившими къ нему въ гости и по дѣлу. По своему любилъ отца и сынъ. Но это была не столько любовь, сколько холодное почтеніе по чувству долга. Такъ, ниже мы увидимъ, что мальчикъ подвергалъ критикѣ отношенія старика къ нему, и не всегда одобрительной, а доходило дѣло и до сомнѣній въ любви отца къ нему. Такъ, по смерти матери въ письмѣ къ одному родственнику (15 апрѣля 1854 г.) онъ между прочимъ говоритъ: «повѣришь-ли, я часто желалъ знать, что думаетъ обо мнѣ, какія намеренія касательно меня имѣетъ отецъ мой, *какія чувства онъ питаетъ ко мнѣ*»...

Совсѣмъ иначе любилъ онъ мать свою.

«О матери,—пишетъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ,—никогда мнѣ въ голову этого не приходило; я знаю, что душа ея раскрыта передо мною, что въ ней я найду только безпредѣльную любовь, заботливость и полное желаніе счастливой будущности... Теперь уже никто не взглянетъ на меня такимъ взглядомъ, полнымъ безпредѣльной любви и счастья, никто не обойметъ меня съ такой простодушной лаской, никто не пойметъ моихъ внутреннихъ, мелкихъ волненій, печалей и радостей... Знаешь-ли, что во всю мою жизнь, сколько я себя помню, я жилъ, учился, работалъ, мечталъ всегда съ думой о счастья матери! Всегда она была на первомъ планѣ: при всякомъ успѣхѣ, при всякомъ счастливомъ оборотѣ дѣла я думалъ только о томъ, какъ это обрадуетъ маменьку...»

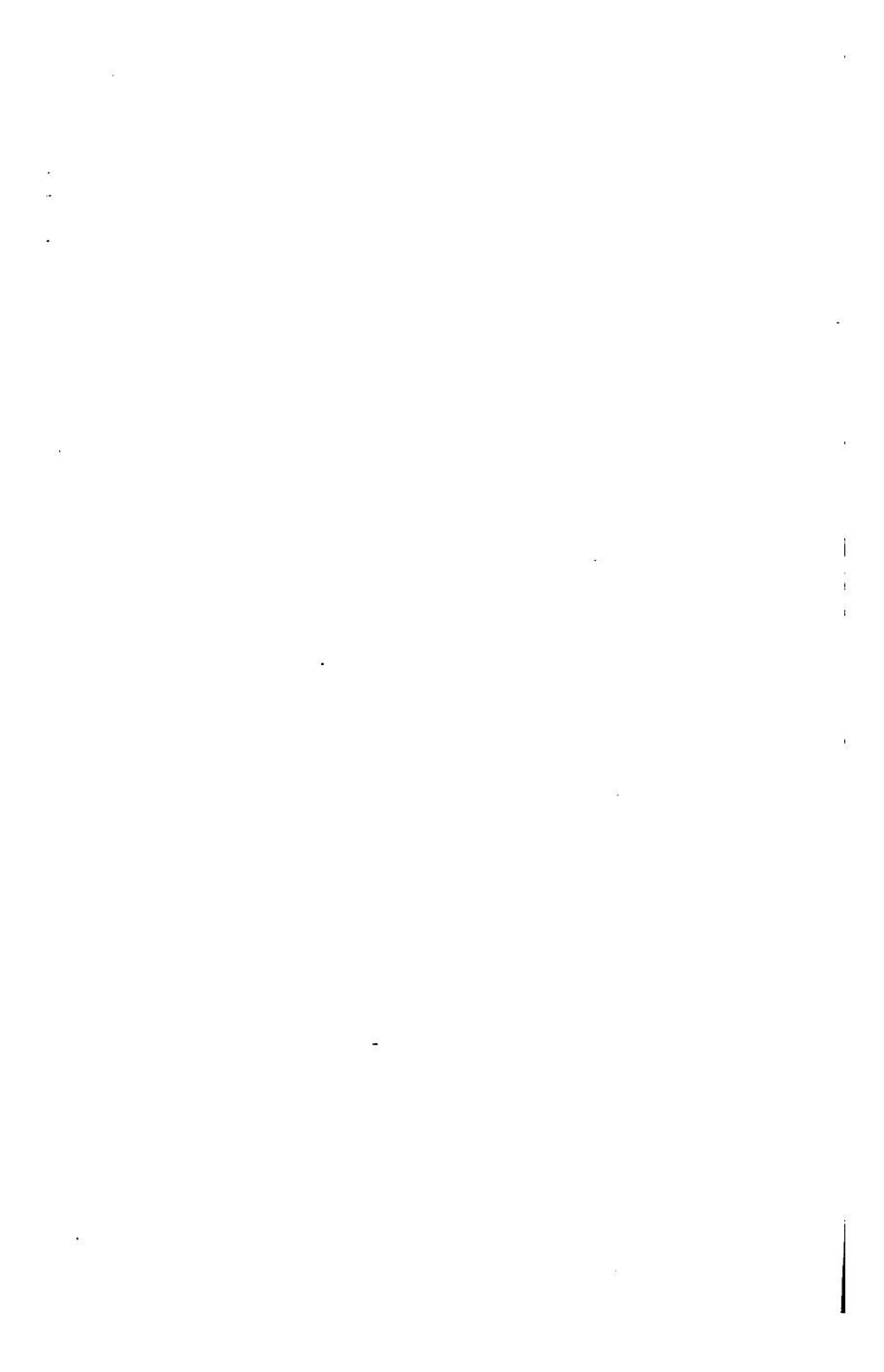
Въ найденной же въ его бумагахъ запискѣ, писанной нѣсколько недѣль спустя послѣ смерти матери, онъ пишетъ:

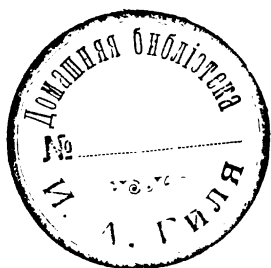
«Отъ нея получилъ я свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ лѣтъ своего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ-бы я ни былъ; для нея было все, что я ни дѣлалъ».

И дѣйствительно, не только нравственнымъ закаломъ, но и первымъ пробужденіемъ умственныхъ способностей Добролюбовъ всецѣло былъ обязанъ матери. Уже трехъ лѣтъ со словъ ея онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими. Она-же выучила его и читать да, кажется, и писать азбуку. Когда ему пошелъ девятый годъ, приглашенъ былъ въ учителя для него кончившій курсъ семинаріи Садовскій; но занимался съ нимъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ поступилъ въ священники. Тогда былъ приглашенъ воспитанникъ семинаріи философскаго класса, Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, впоследствии женившийся на сестрѣ Добролюбова, Антонинѣ Александровнѣ.

«Поидя къ нему въ учителя, — рассказываетъ Костровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Добролюбовѣ, — я старался во-первыхъ заохотить его къ ученію, чтобы *«учиться»* обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ, — доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: «почему», «отчего», да «какъ» и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной воспримчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше ученіе идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ, только иногда навѣдывался объ его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы, по тому или другому предмету. Такимъ образомъ наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ, если изъ этой цифры не исключать мѣсяцевъ пяти или шести его болѣзней или моихъ каникулъ.»

Въ 1846 году десятилѣтняго мальчика отдали въ высшій классъ духовнаго училища. По воспоминаніямъ о Добролюбовѣ товарища его М. Е. Лебедева, 12—15-ти лѣтніе ученики четвертаго класса были непріятно поражены, что къ нимъ привели въ классъ учиться десятилѣтняго мальчика. «Говорятъ, братцы, подготовленъ хорошо, — рассуждали они. — А латинскій какъ знаетъ! Книгъ много у отца... Онъ ужъ Карамзина прочиталъ».

папашу. Къ вѣвшему несчастію, мамаша съ старшей моей сестрой уѣхали къ А. Н. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу, — за дѣло! — и принялся писать свои дѣла... Я подумалъ, что ждѣть мнѣ больше нечего, взялъ свѣчку и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что «еслибъ я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибъ у меня хоть немного было мозгу въ головѣ, то я запялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ бы безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади....» Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я таки испугался предстоящей сцены и поскорѣе, по приказанію папашы, сошелъ въ кухню и разспросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности довелъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить и вдругъ, Богъ вѣсть какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «Ты—негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты—дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочинишь, но все это вздоръ. Ты—дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучаете; когда нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ я недолго ужъ проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей по неволѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ такъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ—подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньги; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги — охъ! — трудно достаются: надо умѣть да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ. Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило—гнило, хило—гнило; немного въ тебѣ мозгу; а еще умнымъ считаешься». — Все это, на разныя манеры повторяемое, я слушалъ съ 8 до 11 часовъ, ровно три часа... Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упрёки, но нынѣ они особенно были ужасны для меня. Они продолжались три часа; прекратились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя болѣе частію и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего-бы; особенно поразили меня упрёки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако мнѣ не хочется вѣрить, и я не смѣю вѣрить этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: «такъ-ли?» на что я отвѣчалъ только: такъ-съ... Я бы напелся, что сказать; но у меня не доставало духу говорить... Не понимаю, что это такое. А па-

нашѣ это видимо непріятно... Но что же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мной говорить и обращаться, чтобы достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія предъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недоуверчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота.. Впрочемъ что винить папашу!—я виноватъ, одинъ я—причиной этого. Должно быть я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это впрочемъ, кажется, у насъ наслѣдственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи... Однако чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ, не правда-ли?... Можно повеселиться!..

Такова грустная картина дѣтства Добролюбова: провинціальная скука внѣ дома, оскорбительное невниманіе и небрежность въ обращеніи со стороны губернскихъ шутихъ, едва удостоивавшихъ ничтожнаго и неловкаго семинариста величественнаго кивка головы или сухого пріема, а дома — ежеминутныя ожиданія какой-нибудь бури, невыносимыхъ попрековъ и унижительныхъ порицаній. Полное безмолвіе передъ гнѣвомъ отца и мучительное чувство отчужденности отъ него, заставлявшее мальчика тѣмъ крѣпче прижиматься къ страстно любимой матушкѣ, нѣжныя ласки которой однѣ только скрашивали жизнь его. Прибавьте ко всему этому отчужденность Добролюбова отъ большинства своихъ семинарскихъ товарищей. Будучи значительно младше своихъ соклассниковъ, онъ поэтому одному уже не могъ участвовать ни въ ихъ буйныхъ потасовкахъ въ низшихъ классахъ, ни въ кутежахъ — въ высшихъ. Въ то же время и товарищи чуждались его, смотря на него, какъ на своего рода аристократа среди нихъ, такъ какъ онъ былъ сынъ городского священника, пользовавшагося почетомъ у епархіальнаго начальства, и въ домъ такого важнаго лица немногіе семинаристы отваживались ступить ногою, и не болѣе трехъ-четырехъ было постоянныхъ гостей Добролюбова, которые имѣли случай не только удостовѣриться, что Добролюбовъ не былъ букой, гордымъ и т. п., но и сами могли въ его обществѣ и семействѣ страхнуть съ своихъ костей семинарскую дикость. Впрочемъ былъ одинъ изъ сотоварищей Добролюбова, нѣкто В. Л., съ которымъ, судя по свидѣтельству самого Добролюбова въ своемъ дневникѣ, онъ стоялъ въ болѣе близкихъ и интимныхъ отношеніяхъ, настолько подчинялся его вліянію, что, по собственнымъ словамъ, боялся его, замѣчалъ каждое его слово, которое могло имѣть отношеніе къ нему, не смѣлъ противорѣчить его мнѣніямъ, любилъ выставять себя передъ нимъ съ хорошей стороны и пр. Но надо полагать, что это вліяніе не было особенно благотворно. По крайней мѣрѣ

вотъ что пишетъ въ своемъ дневникѣ Добролюбовъ, съ радостью говоря объ избавленіи своемъ отъ этого вліянія:

«Чудное дѣло, какъ подумать, что значить школьный товарищъ. Не сойдясь я съ нимъ, — я увѣренъ, что мое развитіе пошло бы совершенно иначе. Я-то на него конечно не имѣю вліянія, но онъ на меня довольно значительное. Не могу еще рѣшить, хорошо или худо было это вліяніе, но оно состояло вотъ въ чемъ: онъ научилъ меня, по природѣ серьезнаго, смѣяться надъ всѣмъ, что только попадется въ глаза; онъ заставилъ меня, человѣка довольно основательнаго и надменнаго, смотрѣть на предметы поверхностно, произносить о нихъ сужденіе, посмотрѣвши только форму и не касаясь содержанія; изъ ума моего онъ сдѣлалъ остроуміе, изъ презрѣнія многому — насмѣшку надъ этимъ многимъ, изъ внимательности — находчивость. Быть можетъ это мнѣ и пригодится; но теперь это дурно, не говоря уже о томъ, что отъ этого страждетъ теперь мое необъятное самолюбіе.»

Однообразная, монотонная и замкнутая жизнь, чуждая какихъ бы то ни было развлеченій, еще болѣе способствовала тому, что съ каждымъ годомъ Добролюбовъ все болѣе и болѣе зарывался въ книги. Въ домѣ отца онъ нашелъ библіотеку, состоящую изъ 400 томовъ, въ которой, помимо книгъ богословскаго или религіозно-нравственнаго содержанія, было немало и свѣтскихъ, между прочимъ «Всеобщая исторія» Милотта, «Естественная исторія» Двигубскаго, «Энциклопедическій словарь» Плюшара, «Опытный человѣкъ» Попе, «О разумѣ законовъ» Монтескье, «О множествѣ міровъ» Фонтенеля и пр. Съ жадностью накинута юноша на всѣ эти книги, доставая ихъ сверхъ того и со стороны, гдѣ случалось; читалъ онъ сверхъ ученыхъ сочиненій и русскихъ авторовъ, и журналы. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и піитики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и составлялось на видъ учителемъ словесности. Въ упражненіяхъ по всеобщей исторіи была видна также начитанность. Его возраженія напримѣръ по математикѣ профессору-монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова — были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возрастало, когда профессоръ не нашелъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ громадными сочиненіями въ 30, 40 и 100 листовъ по философскимъ темамъ отчасти и изъ русской церковной исторіи.

Не ограничиваясь этими классными сочиненіями, Добролюбовъ рано, 13 уже лѣтъ, обнаружилъ страсть къ авторству, конечно въ видѣ писанія стиховъ, причѣмъ онъ между прочимъ переводилъ

Горация. Въ 1850 году онъ даже рѣшился послать въ «Москвитинъ» письмо, прося у редакціи 100 р. и обѣщая за нихъ прислать 40 стихотвореній. «Это, пишетъ онъ въ дневникѣ, давно лежитъ у меня на совѣсти; и если когда нибудь выведутъ меня на чистую воду, то я не знаю, что еще можетъ быть для меня стыднѣе этого»... Затѣмъ въ 1852 году онъ послалъ въ редакцію «Сына Отечества» 12 стихотвореній подъ псевдонимомъ Владимира Ленскаго. Написалъ онъ въ томъ же году три статейки для «Нижегородскихъ Вѣдомостей». Но, по его словамъ, одну цензоръ не пропустилъ, — невиннѣйшую статью — о погодѣ; другія двѣ, кажется, сгибли у редактора, по крайней мѣрѣ доселѣ (т. е. до 20 января 1851 года) остаюсь для нихъ, т. е. онѣ для меня остаются во мракѣ неизвѣстности».

Между тѣмъ шло своимъ путемъ и внутреннее развитіе Добролюбова, переходя тѣ фазы, какія въ то время переживали всѣ люди его поколѣнія. Такъ, первымъ выходомъ изъ дѣтской непосредственности были религіозная экзальтація и суровый аскетизмъ, въ какіе вдался Добролюбовъ съ 17-тилѣтнаго возраста. Въ этомъ сказывалось стремленіе пробуждающагося ума отнестись сознательно, серьезно осмыслить то воспитаніе въ духѣ религіознаго благочестія, какое получилъ Добролюбовъ въ домѣ своихъ патриархальныхъ родителей и въ семинаріи. Такъ, по словамъ Кострова, онъ былъ самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ, считалъ за грѣхъ выпить чаю въ праздничный день до обѣдни, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, усердно всегда молился и съ глубокимъ чувствомъ. Во время говѣнья въ мартѣ 1853 года онъ велъ весьма любопытный дневникъ своихъ прегрѣшеній, подъ заглавіемъ «Психоторіумъ», т. е. углубленіе въ душу:

«7-го марта 1853 г. 1-й часъ пополудни. Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ Тѣлъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собой. Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но по крайней мѣрѣ прошу Бога моего, чтобы Онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени и какъ много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время самой исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покался; кромѣ того я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня; но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ, затѣмъ человѣкоугодіе и, хотя легкій, смѣхъ съ това-

рищами присоединились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣньность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличивали число грѣховъ моихъ...» и т. д., и т. д.

Этотъ ежедневный списокъ «прегрѣшеній» съ благочестивыми укоридами себѣ велѣ Добролюбовъ съ 7 марта до 9 апрѣля, такъ что набралось цѣлыхъ 32 страницы за эти 34 дня. Всѣ они, развѣдется, похожи одинъ на другой; вотъ напр. 29-я страница «Психоторіума»:

«4-го апрѣля 12-й часъ пополудни. Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня: лѣньность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, непріязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость и притворство, призываніе лукаваго, честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности, чревоугодіе и лакомство» и т. д. Списокъ этихъ прегрѣшеній заключается словами: «Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!»

Но аскетизмъ и самобичеванія не были конечно исключительнымъ содержаніемъ жизни Добролюбова. Рядомъ съ этимъ духовно-нравственнымъ возбужденіемъ шли разнаго рода впечатлѣнія и вліянія, навѣваемые и книгами, и жизнью. Такъ, рядомъ съ перечисленіями «прегрѣшеній» Добролюбовъ, по собственнымъ словамъ его, «хотѣлъ походить на Печорина и Тамирина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій». Виѣсть съ тѣмъ, читая списки грѣховъ, вы видите въ числѣ ихъ первые проблески тревожныхъ сомнѣній, которыя все болѣе и болѣе начинаютъ овладѣвать юношей, и тщетно онъ гонитъ ихъ отъ себя. Начинается для него періодъ рефлексій и романтическихъ порывовъ. Какъ мы видѣли въ описаніи 1 января 1852 г., у него была уже какая-то «одна», провести вечеръ въ обществѣ которой ему было особенно пріятно. Въ то же время съ презрѣніемъ и ненавистью начинаетъ смотрѣть юноша на всю окружающую его пошлость губернской жизни. «Все пошло, глупо, мелко—воскликаетъ онъ въ своемъ дневникѣ—ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца»...

Голова его между тѣмъ наполняется мечтами объ университетѣ, о литературной славѣ, и виѣсть съ тѣмъ онъ страстно привязывается къ учителю нѣмецкаго языка, Ивану Максимовичу Сладкопѣвцеву. Привязанность эта, имѣвшая конечно реальныя основанія, въ видѣ благотворнаго вліянія Сладкопѣвцева на развитіе юноши, тѣмъ не менѣе носила вполне романтический характеръ, соединяясь съ той безотчетной влюбчивостью къ своимъ любимымъ наставникамъ, какую нерѣдко испытываютъ